

Н.П. Вагнер.
Воспоминания о Казанском университете
Подготовка к печати, вводная статья и комментарии

С.И. Фокин

Университет Пизы, Пиза, Италия; Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия; sifokin@mail.ru

Публикация посвящена воспоминаниям известного отечественного зоолога и литератора второй половины XIX в. — профессора Императорских Казанского и Санкт-Петербургского университетов Н.П. Вагнера (1829–1907). Неоконченные воспоминания Вагнера связаны с его студенческими годами в Казани (1846–1849). Они, прежде всего, описывают личности и методы преподавания отца мемуариста — П.И. Вагнера и его прямого учителя-зоолога — Э.А. Эверсмана. Тексту мемуаров предпослана краткая биографическая статья о жизни и деятельности Н.П. Вагнера, написанная публикатором по литературным и архивным источникам, в том числе по материалам пражского архива учёного, до сих пор мало использованного в работах, связанных с мемуаристом. Материал проиллюстрирован редкими photographиями из коллекции Архива Музея национальной письменности Чехии, Прага, и фондов Зоологического музея Казанского федерального университета.

Ключевые слова: воспоминания, зоология, Казанский университет, минералогия, Николай Петрович Вагнер, П.И. Вагнер, Э.А. Эверсман

Николай Петрович Вагнер — растроченные таланты?

Вагнер (каретник) — очень распространённая фамилия и в Германии, и в странах бывшей Австро-Венгрии, не очень редка она и в России, где, по-видимому, большинство Вагнеров имеют именно немецкое происхождение. По крайней мере, это справедливо в отношении семьи, о члене которой пойдёт дальше речь. Эти Вагнеры происходили, вероятно, из саксонского рода, основание российской ветви которого положил Иоганн Вагнер (1758–1818). Возможно, в конце царствования Екатерины II¹ он с семьёй переселился в Российскую империю, в Волынскую губер-

¹ Данные были получены от В.Н. Вагнер (1927–2008), праправнучки проф. Н.П. Вагнера. Дворянство предков, о котором говорила мне Вера Николаевна, документально не под-

нию, и обосновался в городке Пинске, где принял российское подданство (1811). Там И. Вагнер стал владельцем «вольной аптеки»².

Сын Иоганна Вагнера — Пётр Иоганн (Иванович) вначале пошёл по стопам отца, но уже получив высшее медицинское образование в России: Дерптский (1819—1820) и Виленский (1820—1826) университеты. Далее, будучи врачом на казённом Богословском заводе (Верхнетурский уезд Пермской губернии, Северный Урал), он заинтересовался камнями и в результате протекции М.Н. Мусина-Пушкина — попечителя Казанского учебного округа³ стал профессором минералогии Казанского университета (1840—1865). Его дети от О.А. Грубер (1818—1885) — Николай и Михаил⁴ получили потомственное российское дворянство⁵. Именно судьба Николая Петровича Вагнера (1829—1907), в связи с публикацией ниже отрывка из его воспоминаний о Казанском университете, нас и интересует.

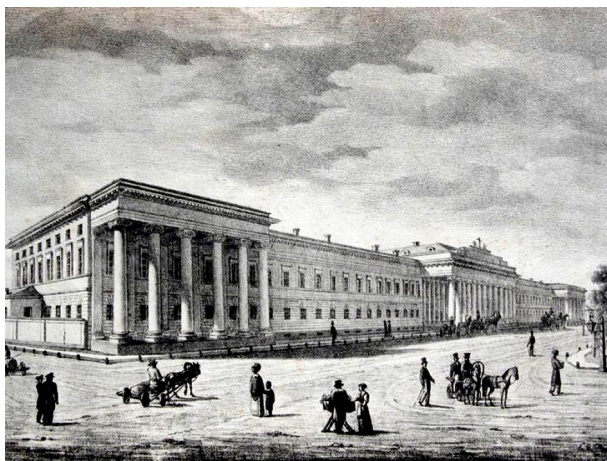

Рис. 1. Главное здание ИКУ в начале 1830-х гг. Гравюра В.С. Турина (1832)
Fig. 1. The main building of KGU in the early 1830s. Engraving by V.S. Turin (1832)

тверждено. Возможно, что Вагнеры жили на Волыни и прежде, а после второго раздела Польши (1793) просто оказались на территории России. Литературовед С.Ю. Дудаков был уверен (не приводя никаких ссылок на документы), что род Вагнеров происходил от крещёных евреев елизаветинского времени, получивших потомственное дворянство уже в 1745 г. (Дудаков, 1993).

² Эта часть истории рода Вагнеров в России имеет документальное подтверждение и опровергает версию Дудакова (см.: Валиев, Заднепровская, 2015).

³ В 1831 г. П.И. Вагнер получил степень доктора медицины за работу «Медико-топографическое описание Богословского завода». В честь Мусина-Пушкина Вагнером был назван открытый им «новый» минерал пушкитинит — на самом деле прозрачная бутылочно-зелёная разновидность эпидота (сложного силиката кальция).

⁴ Младший брат Н.П. Вагнера — Михаил Петрович (1834—188?), в отличие от Николая Петровича, не имел заметных способностей и служил до выхода на пенсию по болезни (1883) в администрации ИСПБУ помощником инспектора. Так как он вышел в отставку как «одержимый тяжелой неизлечимой болезнью» и далее не упоминался в семейной переписке, можно думать, что вскоре он скончался.

⁵ В семье Вагнеров было ещё, по крайней мере, две общих дочери и две дочери О.А. Грубер от первого брака с проф. П.С. Кондыревым.

Чем же был примечателен профессор зоологии Императорских Казанского — ИКУ (1860—1870), а затем Санкт-Петербургского — ИСПбУ (1871—1894) университетов Н.П. Вагнер? Родившись 18 июля 1829 г. на Урале, в Богословском заводе⁶, где его отец был окружным врачом, в младенческом возрасте Н.П. Вагнер был перевезён в Екатеринбург, где прожил около 10 лет и получил начальное образование в уездном училище. Оттуда в 1840 г. семья переехала в Казань (Фокин, 2017). После переезда в Казань Николай Петрович воспитывался в пансионе М.Н. Львова, а среднее образование получил (с пятого класса) во второй Казанской гимназии, которую окончил в 1845 г. Свой внешний вид в то время Вагнер сам описал позднее в воспоминаниях о ближайшем друге, выдающимся химике-органике, академике А.М. Бутлерове:

Мой рост в первом курсе был таков, что во всех лавках не могли найти шпаги настолько короткой, чтобы она не заходила ниже моей щиколотки и принуждены были обрезать почти на вершок самую короткую шпагу, какую только нашли в гостинном дворе⁷. Мой портрет составлял резкий контраст с портретами обоих [Бутлерова и Пятницкого. — *Прим. С.Ф.*]. В нем не было ничего красивого — это был портрет юноши, почти ребенка, с довольно большими зелено-серыми глазами, с непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами и с большими, выдававшимися, как бы оттопыренными, губами (Бутлеров, 1889, с. 3).

Рис. 2. Н.П. Вагнер. СПб., 1849? Архив Музея национальной письменности, Прага (Чехия)
Fig. 2. N.P. Wagner. St. Petersburg, 1849? Archive of the Museum of National Writing, Prague
(Czech Republic)

⁶ Теперь это г. Карпинск. Даты приводятся по старому стилю.

⁷ В то время студентам в университете полагалось иметь парадный мундир со шпагой.

После окончания ИКУ (1849)⁸, где он занимался преимущественно энтомологией, Вагнер получил должность старшего преподавателя естественной истории и сельского хозяйства в Нижегородском дворянском институте и уже в июне 1851 г. защитил в ИКУ магистерскую диссертацию «О чернотелках (*Melosomata*)⁹, водящихся в России». В 1852–1858 гг. учёный состоял в должности адъюнкта при физико-математическом факультете ИКУ¹⁰. В январе 1855 г., выдержав специальный экзамен, он защитил при Московском университете диссертацию на степень доктора естественных наук: «Общий взгляд на паукообразных и частное описание одной из форм (*Androctonus occitans*) к ним принадлежащих». Таким образом, уже в неполных 26 лет он стал доктором зоологии¹¹ и мог бы занять университетскую кафедру. Несомненно, этот факт говорит о незаурядных способностях Николая Петровича. Дело было, однако, в том, что Вагнер страстно хотел работать в одной из столиц. Тем не менее до 1860 г., несмотря на активные поиски места в Петербурге и Москве, это ему не удалось¹². В результате с 1860 г. он снова был назначен адъюнктом по кафедре сравнительной анатомии и физиологии ИКУ и в том же году избран там экстраординарным, а в 1862-м — ординарным профессором зоологии. Учёный вспоминал:

Я обязан А.М. Бутлерову тем, что он первый нашел во мне и оценил способности преподавателя (вступительная лекция). Я читал, как и всегда, насколько умел, просто и ясно. «Знаешь ли, Николай? Из тебя выработается замечательный преподаватель. Это я смело пророчу» (Бутлеров, 1889, с. 5).

Помимо зоологических лекций, Николай Петрович читал даже курс ботаники (1866) и три года (1861–1864) был редактором «Учёных записок Казанского университета».

Николай Петрович, женившись в 1860 г. на Екатерине Александровне Худяковой (1840 — около 1917), имел шестерых детей¹³.

За работу «Самопроизвольное размножение гусениц насекомых», где впервые было описано явление педогенеза (девственного размножения) у личинок двукрылых насекомых, профессор Вагнер был удостоен Демидовской премии Императорской Санкт-Петербургской Академии наук — ИСПб АН (1862). Это от-

⁸ За конкурсное сочинение «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых» Вагнером-студентом была получена золотая университетская медаль.

⁹ Современное латинское название семейства Tenebrionidae.

¹⁰ В автобиографии Вагнер писал о «камеральном и медицинском факультете» университета. Физико-математическое отделение философского факультета, однако, было основано в ИКУ уже в 1835 г., а отдельный физико-математический факультет появился по уставу 1863 г.

¹¹ Тогда количество докторов зоологии в России было весьма незначительно (особенно столь молодых!), и они, конечно, были первыми кандидатами на занятие соответствующих университетских кафедр.

¹² Находясь в отставке в конце 1850-х, Вагнер работал у профессора Р. Лейкарта (1822–1898) в Гиссене (Германия) по паразитологии, а в России редактировал журнал Московского общества сельского хозяйства. Подробнее перипетии его карьеры описаны мною в статье «Люди и коллекции Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета» (Фокин, 2011).

¹³ Екатерина (1860), Пётр (1862), Ольга (1863), Юлий (1865), Владимир (1867) и Надежда (1876); ещё одна девочка умерла в младенчестве.

крытие принесло ему европейскую известность.

Н.П. Вагнер работал в разных областях зоологии беспозвоночных, энтомологии, физиологии, эмбриологии и паразитологии. Одним из первых учёный начал в 1864 г. экспериментальные исследования в энтомологии. К концу своего казанского профессорства (1869) Николай Петрович вынашивал планы всестороннего (экологического) исследования местного озера Кабан, оставшиеся, впрочем, нереализованными.

В Казани, где Вагнер был профессором зоологии в течение 11 лет, он примыкал к левому крылу профессуры и активно участвовал в научной и общественной жизни (Корбут, 1931; Фокин, 2006). Так, учёный принимал деятельное участие в организации местного общества естествоиспытателей и в проведении первых (с 1867) съездов русских естествоиспытателей и врачей.

Ещё до возникновения в южной Европе морских биологических станций профессор Вагнер несколько раз работал на Средиземном море (1864/65, 1870/71): в Неаполе, где родился его второй сын Юлий, и в Виллафранке (Villefranche-sur-Mer) близ Ниццы (1883), а также на Чёрном море, в Крыму (1863). В 1869 г. его неизданная работа — “*Monographie des deux espèces du golfe de Naples*”, выполненная в Неаполе, была удостоена премии Бордена Парижской Академии наук. В этом же году Вагнер был избран президентом Казанского общества естествоиспытателей и почётным членом ИСПБУ, куда в 1871 г., после неоднократных попыток, он перешёл ординарным сверхштатным профессором зоологии. Н.П. Вагнер — формальный основатель (1871) и руководитель (до 1894) Зоотомического кабинета ИСПБУ. В 1879 г. он был утверждён в звании заслуженного профессора столичного университета. Преподавал Вагнер также на Высших женских (Бестужевских) курсах, а будучи уже в отставке (с 1894), был избран членом-корреспондентом ИСПБ АН (1898). Правда,

Рис. 3. Н.П. Вагнер, Териоки (Зелиногорск), начало 1900-х гг. Архив Музея национальной письменности, Прага (Чехия)

Fig. 3. N.P. Wagner. Terioky (Zelenogorsk), the beginning of 1900th. Archive of the Museum of National Writing, Prague (Czech Republic)

Рис. 4. П.И. Вагнер, Москва, 1870-е гг. Семейный архив Семёновых-Тян-Шанских, СПб.

Fig. 4. P.I. Wagner. Moscow, 1870th. Family archive of the Semenovs-Tian-Shanskys, St. Petersburg

многие коллеги по ИСПБУ лекторский талант Вагнера ставили весьма невысоко, равно как и его научную компетенцию, и особенно административную активность в качестве заведующего кабинетом (Фокин, 2011). Так, известный зоолог-гидробиолог Н.М. Книпович¹⁴, окончивший Зоотомический кабинет в 1885 г., вспоминал:

Проф. Н.П. Вагнер, к которому я обратился <...> с просьбою дать возможность заниматься в кабинете, отнесся ко мне довольно любезно, но я скоро убедился в очень малой полезности посещений заброшенного кабинета. Учиться методам исследования было не у кого <...>. Знакомство с фауной Н.П. Вагнера, стоявшего во главе экскурсии [на Белое море. — *Прим. С.Ф.*], было очень одностороннее и поверхностное, а главное — известный запас знаний, которыми он обладал, был перепутан с самыми необузданными фантазиями (Фокин, 2011, с. 177).

В 1876–1887 гг. Н.П. Вагнер неоднократно изучал фауну Белого моря, работая на Соловецких островах, где благодаря его стараниям была основана первая на Русском Севере (да и вообще в полярных широтах) морская биологическая станция (1881). По линии Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей он состоял директором этой станции до 1894 г. С 1891 г. профессор Вагнер был президентом Русского общества экспериментальной психологии. Он опубликовал более 80 научных работ, в том числе фундаментальную монографию «Беспозвоночные Белого моря» (Вагнер, 1885) и ряд научно-популярных работ по разным проблемам биологии. Среди его учеников, правда скорее формальных, кроме профессора К.С. Мережковского, были профессора Н.М. Книпович, В.А. Фаусек, Ю.Н. Вагнер, А.А. Бялыницкий-Бируля, К.К. Сент-Илер и Д.Д. Педашенко.

Профессор Вагнер был хорошим знакомым создателя периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева (1834–1907)¹⁵ и ближайшим другом химика-органика, академика А.М. Бутлерова (1828–1886), вместе с которым он учился в Казани. Общался в течение нескольких лет (в 1870-х) с Ф.М. Достоевским (1821–1881) и встречался и переписывался с Л.Н. Толстым (1828–1910). Как и Бутлеров, с 1870-х Николай Петрович стал приверженцем философии оккультизма и спиритизма и посвятил этому увлечению последние десятилетия жизни, практически оставив занятия наукой уже с конца 1880-х гг. Он был одним из основателей Философского спиритического общества и сотрудником спиритического журнала «Ребус».

Помимо зоологии в течение более 30 лет Николай Петрович активно занимался и литературной работой, выступая под псевдонимом «Кот Мурлыка». Отчасти толчком к занятию литературой послужили его беседы в 1850-х гг. с А.М. Бутлеровым:

¹⁴ Николай Михайлович Книпович (1862–1939) — гидробиолог-океанограф. Выпускник Зоотомического каб. ИСПБУ (1885), магистр зоологии ИСПБУ (1892), приват-доцент ИСПБУ (1893–1899). Проф., чл.-корр. (1927) и почётный академик (1935) АН СССР. Основатель научно-промысловых исследований на Севере России (1898–1901) и на Каспийском море (1904–1915). Ученик К.С. Мережковского и В.М. Шимкевича.

¹⁵ Охлаждение в отношениях с Менделеевым наступило после публикации результатов работы, созданной последним комиссией по научной проверке явлений спиритизма (1876). Основной вывод комиссии, созданной при Физическом обществе, был: «Спиритическое учение есть суеверие».

Если я что-нибудь сделал для русской литературы, — вспоминал Вагнер, — то первый толчок на этом поприще, так сказать, санкция, была дана мне Бутлеровым <...>. «Эх, Николай! Надо бы тебе прочесть притчу о талантах... Как это все у тебя даром пропадает!» И это суждение заставило меня крепко задуматься и серьезно приняться за научную популяризацию, а через два года я начал писать первый мой литературный рассказ (Бутлеров, 1889, с. 4).

Далее он написал и издал «Сказки Кота Мурлыки» (1872)¹⁶; «Повести, сказки и рассказы Кота Мурлыки» (в 5 и в 7 томах); отдельные рассказы, повесть «К свету» (1883) и роман «Тёмный путь» (1890); опубликовал несколько статей по искусству (1871–1877)¹⁷. Сказки Кота Мурлыки определённо были популярны в культурном сообществе России конца XIX в. Их многочисленные издания иллюстрировались такими мастерами, как В.И. Якоби, М.П. Клодт, В.В. Васнецов, М.А. Зичи, Н.Н. Шишкин и А.И. Куинджи. Со многими из них Вагнер был лично знаком. В 1876–1878 гг. учёный издавал журнал «Свет», где была напечатаны первые стихотворения поэта С.Я. Надсона (1862–1886), на творчество которого Вагнер оказал определённое влияние. Вагнер и сам писал стихи, правда, по большей части довольно беспомощные¹⁸.

Свои литературные произведения Н.П. Вагнер печатал в различных журналах: «Свет», «Северный вестник», «Вестник Европы», «Русское обозрение» и «Книжки недели». В 1889 г. Вагнер участвовал в конкурсе на присуждение академической Пушкинской премии¹⁹. Кроме того, с 1875 по 1880 г. он серьёзно занимался живописью и даже предполагал полностью перенести свою профессиональную активность в эту область искусства²⁰. Как писал о Н.П. Вагнере его ассистент по Зоотомическому кабинету (1886–1889), будущий академик В.М. Шимкевич:

Н.П. Вагнер то берется за решение тонких гистологических вопросов, для чего у него не было надлежащей технической подготовки, то принимается за популяризацию, то пишет романы и повести, то увлекается спиритизмом и философией оккультизма. А в ре-

¹⁶ С 1872 по 1913 г. книга выдержала девять изданий. Достаточно подробный анализ становления Вагнера-писателя дан во вступительной статье к современному переизданию его сказок (Широков, 1991).

¹⁷ Последней крупной научно-популярной работой Н.П. была богато иллюстрированная разными художниками книга «Картины из жизни животных» (Вагнер, 1901).

¹⁸ В 1877 г. он писал своему близкому знакомому — поэту Я.П. Полонскому: «Дорогой Яков Петрович, посылаю Вам стихотворение. Будьте столь милы, любезны, обязательны, усладительны, благотворны, <...> влейте в него строй и гармонию, то, чего лишен есть аз многогрешный! Первые две строки и последние каждого куплета, а также мысль должны остаться — остальное все в Вашей власти. Если исполните мою просьбу в три, четыре дня — т. е. до воскресения, то благодарность моя будет безмерна. Ваш Кот-Мурлыка». — Институт Русской литературы, рукописный отдел (ИРЛИ РО). Д. 11948. Л. 2.

¹⁹ Рецензентом литературных произведений Н.П. Вагнера выступил известный московский педагог и литературовед Л.И. Поливанов, давший в своём пространным (более 60 страниц!) отзыве негативную оценку работ претендента, подчеркнув, однако, что «будущий историк литературы не вправе обойти произведения Кота Мурлыки вниманием». — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 63 об.

²⁰ ИРЛИ РО. Д. 11948. Лл. 7–8.

зультате огромный талант дает не более того, что дает заурядный западный исследователь (Шимкевич, 1908, с. 4).

Таким образом, Н.П. Вагнер был связан с различными слоями русской научной и художественной интеллигенции и оставил заметный след не только в зоологии. Из вышеперечисленного можно понять, что, очевидно, это был человек существенных и разнообразных дарований²¹. Вероятно, он мог бы ими распорядиться лучше, чем это случилось, но потомкам досталось только то, что Николай Петрович в действительности совершил. Полагаю, что его научные, а может быть, и художественные возможности и перспективы были существенно подорваны спиритизмом (медиумизмом), тем более что это бесплодное, но глубокое увлечение возникло у Вагнера в достаточно молодых годах (чуть больше 40)²². Однако гадать о том, что могло бы быть, — не приходится. Н.П. Вагнер прожил *свою* жизнь, и личность его до сих пор интересует разных исследователей.

Как мемуарист Н.П. Вагнер оставил воспоминания об А.М. Бутлерове (1889) и Н.И. Лобачевском (1894)²³, а также описал мир своего детства в эссе «Как я сделался писателем» (1892). В пражском архиве учёного²⁴ есть также его воспоминания о первых годах жизни на Урале, краткие автобиографические заметки и начало воспоминаний о Казанском университете. Последние и представляются вниманию читателей журнала.

Н.П. Вагнер. Воспоминания о Казанском университете²⁵

I.

Я поступил в Казанский Университет студентом в 1845 г., но мои воспоминания о нём начинаются с 1841 г. Отец мой был профессором Казанского Университета и занимал кафедры Геологии и Минералогии, Сравнительной Анатомии и Физиологии животных. Тогда

²¹ Формат заметки не позволяет проанализировать психоэмоциональную составляющую личности учёного. Воспоминания современников, однако, рисуют некоторые особенности Н.П. Вагнера достаточно определённо: «На вид это маленький смешной человек с женским визгливым голосом <...>. Вообще имел в этот раз вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту)» (А.Г. Достоевская. ИРЛИ РО. Оп. 6. Д. 169. Л. 45 об., 46); «Он был своеобразный человек и не только по взглядам, но и по манере себя держать. Он никогда почти не вступал в споры, а чуть что — сейчас же замолкал и прятался в свою старческую раковину» (Шимкевич, 1908, с. 13); «Маленький, сутулый, с кривыми ногами и расставленными вбок руками, он походил на паука. Очень неприятное было его выражение лица с маленькими свинцового цвета глазами. Голос был у него какой-то скрипучий. Несомненно, это был психопат» (Никольский, 1966, с. 83).

²² С точки зрения литературно-философской, творчество Н.П. Вагнера анализировалось неоднократно (Широков, 1991; Дудаков, 1993; Раздьяконов, 2008).

²³ Писал Н.П. также о М.Н. Богданове и М.Н. Львове.

²⁴ Состав пражского архива Н.П. Вагнера и его судьба была описана мною в статье «Звенья одной цепи. Родственники и архив зоолога Н.П. Вагнера в Чехословакии» (Фокин, 2012).

²⁵ Рукопись находится в составе фонда Н.П. Вагнера (Архив Музея национальной письменности Чехии, Прага [Pamatnik Narodniho Pisemnictvi, Literarni Archiv]). Фактически фонд не был каталогизирован, когда я с ним работал (2008—2010), и единицы хранения не имели собственных номеров. Время написания воспоминаний неизвестно, скорее всего, это 1890-е гг.

это было возможно. Понятно, что отношение мои и всей семьи моей к Университету определялись отношениями моего отца, как профессора. И этого мало. Мать моя (урождённая Грубер²⁶) была в первом её замужестве также за профессором Казанского Университета П.С. Кондыревым²⁷. Первое замужество обнимало промежуток в 4–5 лет и совершилось в 1824 г.²⁸ Эти старые отношения точно также определяли некоторые связи моей семьи с Казанским Университетом.

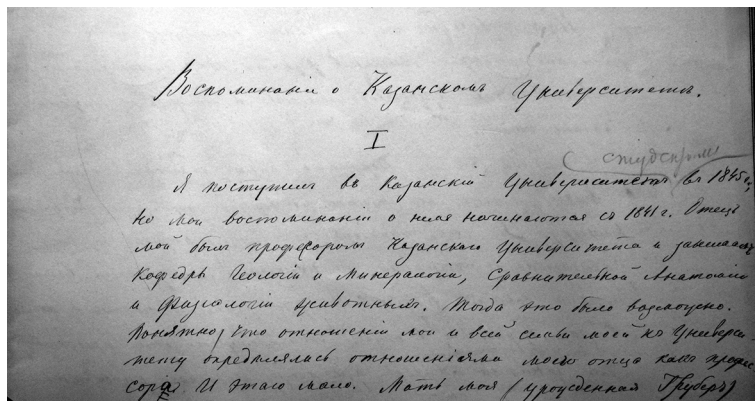

Рис. 5. Часть первой страницы воспоминаний Н.П. Вагнера.

Архив Музея национальной письменности, Прага (Чехия)

Fig. 5. Part of the first page of the Wagner's memories.

Archive of the Museum of National Writing, Prague (Czech Republic)

Отец мой Петр Иванович Вагнер²⁹ занял кафедру Геологии и Минералогии по приглашению известного М.Н. Мусина-Пушкина³⁰, который был тогда попечителем Казанского Университета и приглашал в него профессоров из разных мест. Отец мой занимал место окружного доктора на Верхисетских заводах Яковлева, то есть имел под своим наблюдением несколько заводов, между которыми Верхисетский занимал главное место. Мне было восемь лет, когда совершилось это приглашение. Мусин-Пушкин был сам на Урале, в Екатеринбурге, осматривая учебный округ, и заехал к отцу в главный госпиталь завода, отстоявший от города в полутора верстах. Это посещение случилось в 5-м или 6-м часу вечера, притом я издали мог следить за этим невиданным гостем. Отец имел большое, весьма

²⁶ Ольга Андреевна Грубер (Кондырева, Вагнер) (1799?–1885) — дочь геолога, маркшейдера А.Е. Грубера.

²⁷ Пётр Сергеевич Кондырев (1789–1827?) — выпускник Казанского ун-та (1807), историк, географ, статистик; профессор с 1814 г.

²⁸ Видимо, ошибка мемуариста.

²⁹ Пётр Иванович Вагнер (1799–1876) — выпускник Виленского ун-та (1826), док-р медицины (1831); работал лекарем в ведомстве Уральского горного правления (1826–1840); профессор минералогии и геогнозии Казанского университета (1840–1865) и сравнительной анатомии (1843–1860); заслуженный профессор (1865), далее жил в Москве.

³⁰ Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — сдал экзамены за курс Казанской гимназии (1810); далее последовала военная карьера — с 1811 по 1821 г. (участник Отечественной войны 1812 г.), вышел в отставку полковником; был попечителем Казанского учебного округа (1827–1845), сенатор (1849).

ценное собрание минералов, которое он показывал гостю, стоя около шкафов в минералогическом зале. Когда они уже ушли в гостиную, я робко, спустя немного времени, последовал за ними и помню, что Пушкин сидел, развалиясь на диване, и обратился ко мне с вопросом

— Ну, что, Вы тоже уже режете и анатомируете? — и сделал быстрое движение руками, как будто что-то резал.

— Нет, Ваше Высокопревосходительство, я его ещё не допускаю, — сказал отец.

Оставляя место Верхисетских заводов, отец мой, однако, не вдруг занял предложенную кафедру. Он был доктором медицины, а кафедра требовала специальных познаний по геологии и минералогии. Естественно, что совет Казанского Университета искал в этом случае гарантий и мой отец должен был представить для занятия кафедры изложение краткого курса тех предметов, которые должен был он преподавать.

В Виленском университете он занимал место прозектора при знаменитом Пеликане³¹. В 1828 г., когда правительство вызвало из всех университетов медиков, желающих служить на уральских горных заводах, то отец мой согласился. Что заставило его бросить родину, семейные национальные принадлежности, и, не зная языка, отправиться на далекий Север, почти за 2 000 верст, от его родных пинских болот, этого я объяснить не могу, но думаю, что здесь замешались какие-то политические обстоятельства.

Свое богатое собрание минералов он продал Казанскому Университету за 5 000 рублей ассигнациями и принялся устраивать минералогический кабинет Казанского Университета. Кабинет этот помещался в большой прекрасной зале, в которой все шкафы и витрины были красного дерева и в этих последних отец поместил главное, систематически расставленное собрание. Оно занимало в два ряда всю длину большой залы. Что касается до геологического собрания, то оно до самого разделения кафедр геологии и минералогии не имело особого помещения. Основанием этому собранию главным образом послужила коллекция, выписанная из Гейдельбергского Университета.

Отец мой усердно занимался преподаванием геологии и минералогии. Он читал каждый предмет по четыре часа в неделю в двух курсах. Впоследствии, когда он принял на себя преподавание сравнительной анатомии и физиологии животных, то к этим восьми часам прибавилось ещё шестнадцать. В настоящее время такое громадное число часов, кажется немислимо, но отец справлялся с этим громадным количеством весьма легко и удобно. Каждый вечер он готовился к лекциям следующего дня, т. е. переводил учебник Зиболта и Станиуса или *Traite de Physiologie Dage*. К этим учебникам он прибавлял кое-что современное из последних научных журналов. В преподавании минералогии он держался учебника Некера, а в последствие Duvernoy. Геологию он читал по Соколову. Должно прибавить, что всегда научную лекцию он читал не по тетрадке, не по книге, а наизусть. Его рабочий день начинался с четырех часов утра. В восемь часов он уже аккуратно был в аудитории и нередко дожидался, когда придут его слушатели. Затем ровно, однообразно, монотонным голосом начинал читать чисто фактическую лекцию, сопровождая свои слова постоянными демонстрациями минералов горных пород или препаратов различных животных. Иногда эти препараты изготовлялись тут же на лекции. Так я помню — тут же на лекции пригото-

³¹ Вацлав (Венцеслав) Пеликан (1790–1873) — польский медик, хирург, выпускник Императорской Медико-хирургической академии, СПб. (1813), ректор Виленского университета (с 1824 г. до его закрытия в 1832 г.), директор медицинского департамента военного министерства России, действительный тайный советник (1870); помещик Самарской губ.

лялся препарат кровеносной системы рака, в сердце которого впускалось несколько капель окрашенной жидкости и эту жидкость само сердце прогоняло в сосуды.

Вслед за первой лекцией тотчас же следовала и вторая. Отец не выходил из аудитории, он поджидал, когда выйдут одни слушатели и соберутся другие и тотчас уже начинал читать вторую лекцию. За второй точно также следовала третья, четвёртая и пятая. В два часа кончались лекции, и отец шёл обедать. Таким образом, в неделю четыре дня слишком были заняты лекциями. Оставалось ещё два дня, не считая воскресенья, и эти два дня отец отдавал анатомическим препаратам, которые он приготавливал с искусством и любовью.

Вместе с препаратом Подгурским, выписанным им из Вильно, он приготовил в течение 25-летней службы целый большой музей преимущественно инъекций восковой массы. Состав этой инъекции он довел до невозможного совершенства и наливал даже в капиллярные сосуды. Не знаю, сохранились ли эти, так сказать, художественные препараты, в анатомическом музее Казанского Университета.

Кроме этих страстных занятий анатомией животных, отец также с любовью занимался и другими историческими предметами. Из Виленского Университета он вынес пристрастие к занятиям систематической ботаникой и для собирания растений в научные коллекции два раза ездил в степи Букеевской орды³² и на Каспийское море³³. Его практические занятия геологией дали возможность составить и издать геологические карты Казанской и Симбирской губерний³⁴.

Отец поступил в Казанский Университет в то время, когда естественный разряд Физико-математического факультета был только что отделён от Медицинского факультета. В первый год существования этого разряда в него поступило трое студентов: Неймарк, Солодовников и Киттары³⁵. Из этих трёх только последний известен своими научными естественноисторическими работами и в особенности своею неутомимой деятельностью, как профессор технологии, сперва Казанского, а затем Московского университетов.

Естественные науки, в их полном составе, преподавались прежде на Медицинском факультете, и, после отделения естественного разряда, профессора, читавшие естественные науки, нашли возможным и удобным для себя соединить первые курсы естественного раз-

³² Область между низовьями рек Урала и Волги, занятая в начале XIX в. группой казахских племён — т. н. внутренняя Орда, появление которой связывают с личностью хана Букея. Орда была официально образована указом Павла I; существовала до конца XIX в.

³³ Поездка лета 1846 г. была подробно освещена П.И. Вагнером в переписке с ИМУ (Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 15. Д. 169). Согласно этим документам, ИМУ купил у Вагнера за 150 руб. серебром 250 видов растений, 400 видов насекомых, 60 видов млекопитающих и 100 образцов горных пород, собранных им во время путешествия.

³⁴ Некоторые моменты активности П.И. Вагнера на посту главы кафедры минералогии и геологии (передача в средние учебные заведения 12 тыс. образцов из коллекции минералогического кабинета в 1851 г.) оцениваются историками этих подразделений крайне отрицательно. См.: [Электронный ресурс]. <https://lib/convdocs.org/docs/index-190582.html> (дата обращения 25.09.2020).

³⁵ Модест Яковлевич Киттары (1825–1880) — из семьи ссыльного польского дворянина, окончил Казанский университет (1844) как химик; магистр (1845) и доктор зоологии (1847); далее занимался технологией (заведующий кафедрой технологии ИКУ 1850–1857). С 1857 г. ординарный профессор технологии в Московском университете; с 1878 г. председатель Технического комитета Военного министерства России (СПб). Первым браком был женат на падчерице П.И. Вагнера.

ряда и медицинского факультета. Из всех этих профессоров, наиболее формальным отношением к преподаванию отличался профессор зоологии Э.А. Эверсман³⁶, это был учёный, преимущественно энтомолог, известный в Западной Европе. Ученик Иллегера и берлинского профессора Лихтенштейна³⁷. Он перенёс из Германии свои симпатии, свои немецкие взгляды и привычки в самый «крайний» русский университет, как называют его до сих пор немцы. Он приехал в Россию, как исследователь-путешественник и проезжая по Оренбургской губернии заехал в одно богатое село к русскому помещику Мансурову. Там он был радушно принят всей семьёй, пробыл довольно долго, собирая насекомых, и уехал женатым на дочери Мансурова. Наружность его даже в старые годы отличалась замечательной красотой. Правильный овал лица, прямой нос, густые чёрные брови и высокий стройный рост, выразительные серые глаза сразу выдвигали его оригинальностью из среды всех обыкновенных лиц. Ко всему этому должно прибавить густые волнистые волосы и усы, которые правительство наше позволило ему носить даже в учёной службе, в уважение к трудному военному походу, который он совершил в Бухару, в качестве русского военного медика.

Рис. 6. Э.А. Эверсман. Конец 1840-х гг.? Рисунок неизвестного автора. Из фондов Зоологического музея и гербария им. Э.А. Эверсмана, КФУ

Fig. 6. E.A. Eversman. The end of 1840th? Drawing by unknown author. From the funds of the Zoological Museum and Herbarium named after E.A. Eversman, KFU

³⁶ Эдуард Александрович Эверсман (1794–1860) — немец, уроженец Вестфалии, выпускник Дерптского университета (1816), доктор медицины и акушерства (1816), с 1818 г. на русской службе (Златоустский оруж. завод). Участник русского посольства в Бухару (1820), зоолог-любитель. С 1828 г. профессор зоологии в Казанском университете, действительный статский советник (1851). Как зоолог интересовался позвоночными, но, прежде всего, насекомыми — бабочками и жуками, обширная коллекция которых была приобретена после смерти учёного Зоологическим музеем ИСПБ АН. Главный научный труд — Естественная история Оренбургского края (3 т. 1840–1866). Более 10 видов животных и несколько растений названы в честь Эверсмана.

³⁷ Мартин Генрих Лихтенштейн (1780–1857) — немецкий врач, путешественник и зоолог; первый профессор зоологии в Берлинском университете (1811), основатель Берлинского зоосада.

Вместе с усами Эверсман позволял себе разные, по тогдашним понятиям либеральные, вольности — так вместо форменного мундира он читал лекции в длинном чёрном сюртуке. Чёрный однобортный жилет его был застёгнут на все форменные пуговики. Во время моего студенчества волосы его были совсем седые, точно так же, как и усы, что делало довольно резкий контраст с его чёрными бровями. Длинный, бледный, худой, слегка сгорбленный, он говорил довольно чисто по-русски, но постоянно пришепётывал и как бы задыхался. Последнее, вероятно, происходило от астмы, которой он страдал в продолжение почти всей его долгой жизни.

Рис. 7. Часть Зоологического музея ИКУ, 1896. Из фондов Зоологического музея и гербария им. Э.А. Эверсмана, КФУ

Fig. 7. Part of the Zoological Museum of IKU, 1896. From the funds of the Zoological Museum and Herbarium named after E.A. Eversman, KFU

Он приезжал на лекцию неизменно закутанный в сибирскую доху, в старой бараньей шапке, спустя полчаса от начала лекции и каждую лекцию буквально читал монотонным усталым голосом, тихо и вяло, постоянно останавливаясь и втягивая в себя воздух. В высших курсах, т. е. во втором, третьем и четвертом он проходил в три года всю зоологию, немало не забываясь, с чего начинал и чем кончал каждый курс. Он читал его по книге, которую подмышкой приносил с собой. Это был учебник 1836 г. Вильмана и Рутэ. Войдя в аудиторию, он тут же при входе садился за стол, за которым сидели студенты, открывал книгу в том месте, где у него был загнут листок, и начинал медленно диктовать, переводя с немецкого на русский язык. Лекция кончалась, раздавался звонок и он, закончив период, вставал, загибал вдоль страницу, складывал книгу, брал её подмышку и уходил с лекции. Когда он читал позвоночных, то сопровождал чтение показом чучел, которые выносили из кабинета егеря Романов и сторож Андрей Савельев.

Об этой последней личности необходимо сказать хоть несколько слов, так как она составляла характерную принадлежность лекций профессора³⁸. Андрей Савельев служил Университету более 40 лет. При нём складывался зоологический музей и, т. к. чучела в нём имели особое, не систематическое расположение, то Савельев служил живым каталогом, и тотчас же находил требуемую чучелу из русских или иностранных птиц и зверей.

³⁸ Типаж, весьма распространённый в тогдашних университетах; позднее в ИСПБУ сам Вагнер имел служителем некоего Самуила Гузеева, выполнявшего при нём точно те же функции технического ассистента.

Последние, т. е. иностранные животные, которые неизменно в течение долгой жизни профессора выписывались из Гамбурга от натурален-гандлера Брандта, по получению посылки ставились всё в разные места, и вот эти-то места отлично знал Савельев. Бывало, Эверсман говорит ему

— Савельев, подай гамбургского журавля! — и Савельев тотчас приносит гамбургского журавля, которого настоящее место рождения — Бразилия.

Отступления от этого процесса составляли только некоторые из русских животных, краткие описания которых (диагнозы) читались по Палласу (*Zoologia Asiatica*). Таким образом, преподавание зоологии продолжалось неизменно до 1860 г., т. е. до самой смерти профессора. Лекции читались аккуратно, однообразно и монотонно. Продиктовав лекцию, профессор не только не заботился, но даже и не знал о том, что ему придётся читать дальше. Мы только знали, что следующая лекция в курсе начнется со слов

— Ну! Теперь следует другой генус, и затем следовала его краткая диагноза.

Каким образом лекции прерывались на половине класса, на половине порядка и даже на половине семейства. Следующая его половина диктовалась уже в следующем курсе.

Если такой курс и можно назвать устаревшим, то все же мы, студенты высших курсов, могли считать себя более счастливыми, чем наши товарищи первокурсники естественного разряда и медицинского факультета. Там зоология читалась точно таким же манером, но учебник, который переводился на этих лекциях, был не 1836, а 1819 г. Притом, это было последнее издание учебника, вышедшего ещё в конце прошлого столетия — учебник знаменитого геттингенского профессора Блюменбаха³⁹, который был больше известен как антрополог, чем как зоолог. Понятно, что в этом учебнике о типах Кювье не было и помину, а лягушка без церемоний становилась рядом с черепахой, так как и та и другая имели короткое тело и четыре ноги.

Если монотонные лекции, которые мы слушали, и были подчас невыносимо скучны, то всё-таки мы могли считать себя более счастливыми, чем наши предшественники — первые студенты естественного разряда — Нейман, Солодовников и Киттары — им читался на латинском языке перечень признаков птиц по Иллагеру. Несчастные должны были зубрить наизусть эти ни к чему не пригодные систематические упражнения.

На окончательный и переходный экзамены, которые были обставлены с возможной торжественностью, являлись профессора, доценты, деканы, ректор и сам попечитель Мусин-Пушкин. Экзамен этот происходил в большой актовом зале. Студенты на них являлись в мундирах и отвечали по билетам стоя. Эверсман приносил на свой экзамен несколько экземпляров Иллагера и раздавал эти книги Мусину-Пушкину, деканам физико-математического и медицинского факультета и один экземпляр оставлял себе. Студент подходил к столу с билетом и показывал его Эверсману. Экзаменатор тотчас развёртывал своего Иллагера и отыскивал то место, по которому должен был отвечать экзаменуемый и указывал это место остальным экзаменаторам. Все разворачивали книги, некоторые вооружившись очками, и все усердно следили за словами студента. Однажды экзаменуемый ответил не то, что следует и был остановлен Пушкиным.

— Э! Э! Ты что-то не то отвечаешь! — но экзаменуемый нашелся.

— Я, Ваше превосходительство, ответил то же самое, но другими словами...

— А! Ну, хорошо, — продолжай.

³⁹ Иоганн Фридрих Блюменбах (1752–1840) — уроженец Тюрингии, профессор медицины в Геттингене (1776), занимался также зоологией и физиологией. Первое русское издание его «Естественной истории» вышло в 1796 г. Иностраннный почётный член ИСПб АН (1826).

Таково было преподавание, таков был и экзамен.

Если недостатки преподавания Эверсмана резко бросались в глаза, то должно сказать, что тогда вообще было такое время, и профессора, даже заграничные, нередко относились к своему преподаванию крайне небрежно⁴⁰. И даже учёные с громкой известностью и необыкновенным умом нередко делали из своих лекций средство для развлечения себя и слушателей. Знаменитый Блюменбах, например, входил в аудиторию, громко насвистывая дармштадский марш. Вытянув руки по швам и маршируя, он всходил на кафедру, громко вскрикивал раз, и затем начинал чтение. Читая о кавказском племени⁴¹, он описывал это племя, прибавляя

— Теперь, господа, я могу показать вам самый красивый образчик этого племени, — и, обращаясь к одному очень красивому студенту, говорил, — Господин N, не угодно ли Вам встать.

И сконфуженный студент вставал и кланялся.

— А теперь, господа, я покажу Вам орангутанга, — и профессор, чья физиономия была весьма некрасива, начинал выделять уморительные гримасы, кривляясь, и в совершенстве подражая всем движениям обезьян, так что вся аудитория раздражалась гомерическим хохотом.

Когда Блюменбах читал об осле, он обращался к одному весьма недалекому студенту.

— Теперь, господа, мы будем говорить об осле. Господин такой-то — не угодно ли Вам встать, — но студент нашелся.

— Благодарю Вас, профессор, но об осле я могу слушать и сидя⁴².

Таков был один из даровитых и учёнейших профессоров Германии, и нет ничего удивительного, что его почтенный коллега в «крайнем» русском университете, относился также небрежно к своим лекциям. Иногда, кстати, среди лекций, он позволял себе вставлять какой-нибудь фривольный анекдот или отпустить немецкую витцу⁴³, переложенную к русским нравам.

К учёной деятельности Эверсман относился совершенно иначе, там он был неутомимый, известный целой Германии, исследователь восточной фауны России. Первую часть его естественной истории Оренбургского края, можно даже в настоящее время назвать образцовым научным исследованием, в котором широта обобщений и глубина мыслей могут быть названы вполне поучительными.

Рисуя портрет Эверсмана, для характерной биографической полноты необходимо сказать хоть два слова об его неизменном сателлите аптекаре А.И. Гельтмане. Это была миниатюрная копия в комическом виде знаменитого учёного. Если Эверсман оставил целые тома научных исследований, то Гельтман не оставил ничего, кроме небольшого собрания насекомых, но он был неразлучным спутником Эверсмана в его экскурсиях по Казанской губернии. Пользуясь громадными связями в Германии, Эверсман посредством цен на русских насекомых составил себе огромное, замечательнейшее собрание в особенности бабочек и жуков. Гельтман, насколько мог, подражал ему в этом отношении. В праздничные дни в кабинете Эверсмана всегда можно было найти его неразлучного закадычного приятеля аптекаря

⁴⁰ Далее, однако (как минимум с начала 1880-х гг.), точно так же начал относиться к преподаванию и сам Н.П. Вагнер.

⁴¹ Учёный считал (на основе кранометрии) кавказские народы образцом белой расы.

⁴² Здесь (по-немецки) непередаваемая игра слов — об осле и от осла звучит одинаково — примечание Н.П. Вагнера.

⁴³ Witz (нем.) — шутка, острота.

Рис. 8. Вид геологического музея ИКУ, 1896. URL: <https://yadi.sk/a/mbWzlcZG3ZS3zr>
 Fig. 8. View of the Geological museum of IKU, 1896. URL: <https://yadi.sk/a/mbWzlcZG3ZS3zr>

Гельтмана. Этот кабинет был небольшая длинная комната в два окна, в которой за ширмами помещалась кровать Эверсмана, а все стены с полу до потолка были уставлены шкафами с насекомыми, длинными плоскими ящиками с чучелами, увешенные расправилками с бабочками. В этой комнате у правого окна неизменно столько лет работал наш знаменитый учёный. Здесь я в первый раз увидел его в его домашней жизни, сидящего в бухарском халате за ящиками каких-то насекомых, с фарфоровой трубкой в зубах, насаженной на короткий чубук. С такой же трубкой торчал перед ним Гельтман, с постоянным изумлением на лице, как будто испуганный чем-то, с седыми, торчащими во все стороны волосами.

Профессором ботаники в Казанском Университете в то время был вовсе неизвестный в учёном мире П.Я. Корнов-Троцкий⁴⁴, но обладавший несомненным и широким преподавательским талантом. Небольшого роста, брюнет, всегда гладко причесанный, и почти всегда со щекой подвязанной черным платком, с небольшими юрко бегающими глазками, и большим башмакообразным, вздёрнутым кверху носом, и с неизменной саркастической улыбкой на тонких губах, Троцкий был говорун чистейшего типа. В Казани было только двое людей, обладавших необыкновенной способностью говорить бойко, быстро, не останавливаясь, целый час или даже два. Это Корнов-Троцкий и барон Парх. Раз они встретились на лестнице в доме губернатора. Троцкий сходил с лестницы, барон входил на неё. Оба знали друг друга только понаслышке. Троцкий сделал при встрече какое-то замечание, барон ответил на него длинным комментарием, Троцкий противопоставил ещё более длинное рассуждение, таким образом, завязался разговор, который длился добрых полчаса. Под конец этого разговора Троцкий обращается к собеседнику с вопросом:

— Не с бароном ли Пархом я имею удовольствие говорить?

⁴⁴ Пётр Яковлевич Корнов-Троцкий (правильнее Корнух-Троцкий) (1803–1877) — ботаник, учился в Московском (1827) и Дерптском ун-тах (1828), магистр свободных наук (1832), в 1835 г. преподавал ботанику в Киевском университете Св. Владимира, с 1836 г. ординарный профессор ботаники ИКУ; в отставке по болезни с 1858 г.

— А я, видимо, имею удовольствие видеть профессора Троцкого?

И оба знаменитых казанских говоруна познакомились впервые друг с другом.

Каждая лекция профессора Троцкого была живая, бойкая лекция. Он излагал любой самый сухой материал необыкновенно пластично и образно, хотя в его лекциях был также и консерватизм известного рода. Альфонс и Адольф Декандоли⁴⁵ были для его неизменными авторитетами. Он также читал первый курс соединённо естественникам и медикам, и в этом курсе проходил органографию и краткий курс систематики по системе Линнея. Следующий курс он также соединял вместе, и каждый год читал часть систематики и какой-нибудь раздел из физиологии растений. Должно сказать, что эта часть курса была наиболее слабая, несмотря на всю пластичность и образность изложения. Троцкий читал в той аудитории, что и Эверсман, только входил с другой, противоположной двери, которая была всегда на запоре. Он почти всегда являлся на лекцию аккуратно спустя четверть часа, с цельным ворохом растений подмышкой. Очень редко он приносил и живые растения из ботанического сада. Этот сад довольно больших размеров был в пяти верстах от города и располагался на берегу большого озера Кабана. В этом саду была большая оранжерея с карпологическим музеем, невдалеке которой был небольшой домик с квартирой садовника.

Троцкий вёл холостую, уединённую и совершенно замкнутую жизнь⁴⁶. Часто мы, слушатели, приходили к нему, чтобы что-нибудь узнать и чему-нибудь научиться из его громадного запаса обширных знаний, но двери его квартиры были почти всегда замкнуты для нас. Его сестра, жившая с ним, старая девушка, всегда выходила к нам с известием, что Петра Яковлевича дома нет, что он в ботаническом саду. Мы совершали подвиг — отмеривали пять верст, но и в ботаническом саду его не оказывалось. Только уж в очень редких случаях профессор был дома и выходил к нам. Он принимал нас обыкновенно в передней, и, проговорив, правильнее пробормотав быстрее ответы на наши вопросы, извинялся недосугом и отпускал нас.

Почти каждый день утром он приходил в канцелярию правления Университета и тотчас же вокруг него собирался кружок профессоров и чиновников университетской канцелярии. Рассказ за рассказом, анекдот за анекдотом, один смешнее и остроумнее другого, вызывал постоянные взрывы хохота у обступивших его слушателей⁴⁷.

Выражаю мою признательность за помощь в подборе иллюстраций Фариде Вагаповой, сотруднице музея Казанского федерального университета (КФУ), Казань.

Литература

Бутлеров А.М. Статьи по медиумизму. СПб., 1889. 473 с.

Вагнер Н.П. Как я сделался писателем (нечто вроде исповеди) // Русская школа. № 1. СПб., 1892. С. 26–38.

⁴⁵ Альфонс Декандоль (1806–1893) — швейцарский ботаник и биогеограф, иностранный член-корреспондент ИСПб АН (1858); Огюстен (Augustin) Декандоль (1778–1841) — швейцарский ботаник и педагог, один из крупнейших систематиков, почётный академик ИСПб АН (1835). Адольф — ошибка мемуариста.

⁴⁶ По воспоминаниям хирурга Н.И. Пирогова, учившегося одновременно с Троцким в Дерпте, тот-таки женился около 1850 г.

⁴⁷ Очевидно, воспоминания не были закончены.

- Вагнер Н.П.* Из жизни великого геометра: воспоминания о Н.И. Лобачевском и его отношениях к Казанскому университету // Книжки недели. 1894. С. 5–35.
- Вагнер Н.П.* Беспозвоночные Белого моря. СПб.: тип. Стасюлевича, 1885. 218 с.
- Вагнер Н.П.* Картины из жизни животных. СПб.: А.Ф. Маркс, 1901. 772 с.
- Валиев М.Т., Заднепровская А.Ю.* Вагнеры — от аптечной стойки до генерала флота // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 9. СПб., 2015. С. 193–211.
- Дудаков С.Ю.* История одного мифа // Очерки русской литературы XIX–XX веков. М.: Наука, 1993. С. 242–269.
- Раздьяконов В.С.* Творчество Н.П. Вагнера в религиозной культуре России последней трети XIX века. Автореф. дисс. ... канд. М. 2008. 29 с.
- Корбут М.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. 1804/05–1929/30. Т. 1. Казань: изд-во Госуниверситета им. В.И. Ульянова-Ленина, 1931. 209 с.
- Никольский А.М.* Из воспоминаний Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966. С. 79–108.
- Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 378 с.
- Фокин С.И.* Люди и коллекции Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета: К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. М.: КМК, 2011. С. 12–42.
- Фокин С.И.* Звенья одной цепи. Родственники и архив зоолога Н.П. Вагнера в Чехословакии // Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии. Прага: Русская традиция, 2012. С. 309–316.
- Фокин С.И.* С Уральских гор до Праги. Вагнеры: история трех поколений. Часть I. Человек с зелено-серыми глазами // Русское слово (Прага). 2017. № 2. С. 34–39.
- Шимкевич В.М.* Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев (из воспоминаний зоолога) // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Нов. сер. Ч. 16, июль. С. 1–18.
- Широков В.А.* Вступительная статья // В.А. Широков (сост.). Вагнер Н.П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Правда, 1991. С. 1–10.

N.P. Wagner. Memories of Kazan University

PREPARED FOR PRINTING, WITH COMMENTARY AND PREFACE BY SERGEI I. FOKIN

University of Pisa, Pisa, Italy; Sankt-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia;
sifokin@mail.ru

This paper is devoted to the recollections of N.P. Wagner (1829–1907), a well-known Russian zoologist and writer of the 2nd half of the 19th century, Professor at the Imperial Kazan and St. Petersburg Universities. Wagner's unfinished memoir covers his student years in Kazan (1846–1849). First and foremost, the memoirist describes the personalities and teaching styles of his father, P.I. Wagner, and his teacher, zoologist E.A. Eversman. The text of the memoir is preceded by a brief biographical article about N.P. Wagner's life and diverse activities, based on the published and archival sources, including the materials from the scientist's archive in Prague that is still seldom used in the works concerned with the memoirist. The text is illustrated with rare photographs from the Archive of the Museum of National Writing, Prague (Czech Republic) and the collections of the Zoological Museum (Kazan Federal University).

Keywords: memoir, recollections, zoology, Kazan University, mineralogy, Nikolai Petrovich Wagner, P.I. Wagner, E.A. Eversman.

References

- Butlerov A.M. (1889). *Stat'i po mediumizmu* [Articles about mediumism], (pp. 1–67), St. Petersburg.
- Dudakov S.U. (1993). *Istoriia odnogo mifa. Ocherki russkoj literatury XIX–XX vv.* [The history of a myth. The essays on Russian literature of the 19th–20th century], (pp. 242–269), Moscow: Nauka.
- Fokin S.I. (2006). *Russkie uchenye v Neapole* [Russian scientists in Naples], St. Petersburg: Aleitea.
- Fokin S.I. (2011). Ludi i kollekcii Zootomicheskogo kabineta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta [People and collections of the Zootomic Cabinet of the Imperial St. Petersburg University], *Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochikh) Sankt-Peterburgskogo universiteta: K 140-letiiu osnovaniia* [Zootomic Cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of St. Petersburg University: Towards the 140th anniversary of its foundation], (pp. 12–42), Moscow: KMK.
- Fokin S.I. (2012). Zven'ia odnoi zepi. Rodstvenniki i arkhiv zoologa N.P. Wagnera v Chexhoslovakii [The links of the same chain. Zoologist N.P. Wagner's relatives and archive in Czechoslovakia], *Russkaya aktsiia pomoshchi v Chexhoslovakii. Istoriia, znachenie, nasledie. K 90-letiiu nachala Russkoj aktsii pomoshchi v Chexhoslovakii* [Russian relief campaign in Czechoslovakia. History, role, legacy. Towards the 90th anniversary of launching the Russian relief campaign in Czechoslovakia], (pp. 309–316), Prague: Russkaia traditciia.
- Fokin S.I. (2017). S Ural'skikh gor do Pragi. Wagnery: istoriia trekh pokolenii. Chast' I. Chelovek s zeleno-serymi glasami [From the Ural Mountains to Prague. The Wagners: the history of three generations. Part I. The man with green-gray eyes], *Russkoe slovo* [Russian word], (Vol. 2, pp. 34–39), Prague.
- Korbut M. (1931) *Kazanskiĭ gosudarstvenniiĭ Universitet imeni V.I. Ulyanova-Lenina za sto dvatzat' pyat' let. 1804/05–1929/30. T. 1* [V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University: a hundred and twenty-five years. 1804/05–1929/30. Vol. 1], Kazan: Kazan University press.
- Nikolsky A.M. (1966). Iz vospominanii Aleksandra Michailovicha Nikol'skogo. [[From the memoirs of Alexander Mikhailovich Nikolsky], *Iz istorii biologicheskikh nauk* [From the history of biological sciences], (Vol. 1, pp. 79–108), Moscow, Leningrad: Nauka.
- Razd'yakonov V.S (2008). *Tvorchestvo N.P. Wagnera v religioznoiĭ cul'ture Rossii posledneiĭ treti XIX v.* [The works of N.P. Wagner in Russia's religious culture of the last third of the 19th century], Extended abstract of candidate's thesis, Moscow.
- Schimkevich V.M. (1908). N.P. Wagner i N.N. Polezhaev (iz vospominaniiĭ zoologa) [N.P. Wagner and N.N. Polezhaev (from the memoirs of a zoologist)], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 16, June, 1–18.
- Shirokov V.A. (1991). Vstupitel'naia stat'ia [Introductory article]. In V.A. Shirokov (ed.). (1991). *Wagner N.P. Skazki Kota-Murlyka* [Wagner N.P. Tales of the Murlyka-Cat], (pp. 1–10), Moscow: Pravda.
- Valiev M.T., Zadneprovskaya A.U. (2015). *Wagnery — ot aptechnoiĭ stoiki do generala flota. Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biographicheskiiĭ aspekt. XVIII–XX vv.* [The Wagners: from a pharmacy counter to the fleet general. Germans in St. Petersburg: Biographical aspect. 18th–20th century], (Vol. 9, pp. 193–211), St. Petersburg.
- Wagner N.P. (1892). Kak ia sdelsiala pisatelem (nechto vrode ispovedi) [How I became a writer (something like a confession)], *Russkaya shkola* [Russian school], (Vol. 1, pp. 26–38), St. Petersburg.
- Wagner N.P. (1894). Is zhizni velikogo geometra: vospominaniia o N.I. Lobochevskom i ego otshnesheniakh k Kazanskomu universitetu [From the life of a great geometer: recollections about

N.I. Lobachevsky and his relationship with Kazan University], *Knizhki nedeli* [Books of the week], 5–35.

Wagner N.P. (1885). *Bespozvonochnye Belogo moria* [Invertebrates of the White Sea], St. Petersburg: Stasulavich's Press.

Wagner N.P. (1901). *Kartiny iz zhizni zhyvotnykh* [Pictures from the life of animals], St. Petersburg: A.F. Marx.